

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Редактор серии *А. Антонова*

Сюжет романа разработан при участии *Марго Зуевой*

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Спасская, Мария.

С71 Девять жизней Николая Гумилева / Мария Спасская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-102617-2

Николай Гумилев привез из своей последней африканской экспедиции шкуру собственноручно убитого им черного леопарда. Поэт и не догадывался, что в голове у трофея скрыта старинная абиссинская реликвия, похищенная накануне его приезда и таким образом переправленная в молодую Страну Советов. Хозяин контрабандной посылки погиб, не успев ее забрать, не досталось эфиопское золото и Гумилеву. Клад менял владельцев, но никому из них не принес счастья. И вот спустя почти сто лет таинственный орден людей-леопардов готов пойти на все, чтобы вернуть гемму царицы Савской на историческую родину, и молодая журналистка Соня Кораблина против собственной воли оказывается вовлечена в преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-102617-2

Пролог

Санкт-Петербург, июнь 2017 года

Каждый, кто заходил в ресторан Пулковского аэропорта, невольно обращал внимание на сидящую за крайним столиком пару. Мужчина интереса не вызывал, смотрели на женщину. Она была невероятно хороша собой — тонкая смуглая брюнетка с раскосыми васильково-синими глазами в обрамлении длинных пушистых ресниц, точеным носиком и пухлым, красиво очерченным ртом. Даже стрижка — короткая под мальчика — ей удивительно шла. Склонив голову к плечу и не обращая внимания на принесенный официантом сок, красавица показывала на смартфоне фото и говорила:

— Вилла в Сан-Хосе, расположена в одном из живописнейших мест в Испании. Площадь восемьсот квадратных метров. Девять спален, пять ванных комнат. Первая линия, терраса выходит прямо на море — пляж в ста пятидесяти метрах от дома. При этом есть бассейн. И свой мандарино-

вый сад. И стоит не слишком дорого — миллион семьсот тысяч евро.

Мужчина с удивлением присвистнул, и в грудном контральто собеседницы послышалась легкая обида.

— Разве это дорого за такую роскошь? Хотели два миллиона, но я сбила цену. И договорилась, можно взять в рассрочку, часть денег я уже внесла. Небольшую, всего двести тысяч. С остальным готовы подождать. Подводить людей я не стану. Меня не волнует, каким образом ты решишь этот вопрос, но к концу следующего года оставшаяся сумма должна быть перечислена продавцу. Тем более что ты не хуже меня знаешь, что деньги эти реально существуют.

Мужчина нервно дернулся, он явно хотел поспорить, но брюнетка пресекла попытку дискуссии.

— Только не начинай, — сердито выдохнула она. — Я знаю все, что ты мне скажешь. Ждать я не намерена. Имей в виду — если не ты, мне поможет кто-нибудь другой.

— А если я найду недостающие средства, мы сможем быть вместе? — в голосе мужчины звучала робкая надежда.

— Когда найдешь, тогда и будем разговаривать, — сухо обронила женщина.

В отдалении прозвучал зуммер, и механический голос диктора объявил регистрацию на рейс

Санкт-Петербург — Мадрид. Женщина неспешно убрала смартфон в дорожную неброскую сумочку, поднялась из-за стола, демонстрируя великолепную, обтянутую стильным платьем фигуру, и проговорила:

— Не надо, не провожай. И подумай о том, что я тебе сказала.

Подхватив чемодан, обогнула стол, вышла из ресторана и направилась к стойке регистрации. И, пока она шла, мужчина не отрываясь жадно смотрел на удаляющуюся точеную фигурку, понимая, что, если не сотворит чуда, не увидит эту женщину больше никогда.

Аддис-Абеба, 1913 год

Вечер обещал быть нескучным. После жаркого африканского дня, проведенного в сонной одуре непрезентабельного «Гранд-отеля», наконец предстояло пусть сомнительное, но развлечение. Вилькин изнывал на низком, липком от пота диване, лениво пережевывая принесенный из лучшего в этой дыре ресторана ланч, когда в дверь постучал чернокожий гонец с письмом от русского посла в Аддис-Абебе. Милейший Борис Александрович Сольский и его очаровательная супруга просили Семена Вилькина пожаловать к ужину, обещая знакомство с корреспондентом из петербургского журнала «Аполлон».

Российских подданных здесь, в столице Абиссинии, было немного, и со всеми соотечественниками общительный Вилькин уже успел перезнакомиться. А с отдельными заносчивыми гордецами даже поругаться, так что новый персонаж пришелся бы очень кстати. Скука в Африке была непереносимая, что для авантюрной натуры Семена было

смерти подобно. И с чего это он решил, будто бы здесь, в Абиссинии, ему уготованы сплошные приключения?

Много лет назад матушка, тяжело вздыхая, передела маленького Сему в приберегаемую для синагоги курточку, отец посадил сына на подводу зеленщика Боруха Бейлиса, и тот отвез мальчишку с окраины Киева в одну из лучших в городе книжных лавок, работать за еду. Жили Вилькины более чем скромно, отец портняжничал, перешивая соседям за малое вознаграждение обноски, и восемь малышей-погодок частенько голодали. Предложение владельца книжной лавки Михаэльсона, приходившегося Вилькиным дальним родственником, пристроить к делу старшего, Семена, родители приняли с радостью.

Честно говоря, работа у Михаэльсона была не слишком утомительная. Днем мальчишка разносил клиентам заказанные книги, ночами забирался в подсобку и, уютно устроившись на топчане, читал занимательного Жюль Верна, авантюрного Майн Рида, завораживающего Проспера Мериме. Читал запоем, с головой погружаясь в созданные буйной авторской фантазией удивительные миры. А если попадались книги на других языках, брал толстые словари и, переводя, попутно изучал языки.

Когда Сема проглотил все имевшиеся в лавке приключенческие романы, он перешел на пыльные,

никем по многу лет не открывавшиеся философские труды. Играючи одолел Вольтера и Руссо, но из-за яркости языка и стройности философских воззрений особенно приглянулся ему Шопенгауэр. Приглянулся настолько, что юный Вилькин даже простил немецкому мизантропу сквозившее в каждом высказывании презрительное отношение к семитам. Хотя сделать это оказалось нелегко, ибо отец был ортодоксом, превыше всего чтящим Закон, и Тора являла собой для Семена самое святое, что только может быть. То, что жило глубоко в душе и оберегалось от посторонних взглядов. Михаэльсон же к вере отцов относился без фанатизма, и Семен его за это молча осуждал.

Когда и философские книги подошли к концу, мальчик открыл для себя поэзию. Надо ли говорить, что из всех поэтов в мятущуюся душу юного Вилькина больше всего запали бунтарские стихи Шарля Бодлера и Артюра Рембо. Заинтересовавшись авторами, мальчик отыскал на пыльных полках биографии и пришел к выводу, что Бодлер был нытиком и тряпкой, зато Рембо — выше всяческих похвал. Чего стоил один написанный им в семнадцать лет «Пьяный корабль»! Подростком Артюр удрал из дома, много путешествовал и много писал, писал свои замечательные стихи.

А в один момент покончил со стихами, которые вдруг отчего-то счел заблуждением молодости и

позже именовал не иначе, как «нелепое омерзительное ребячество». Вместе со стихами выкинул из жизни своего наставника и любовника поэта Поля Верлена и устремился в Африку, где рассчитывал разбогатеть, торгуя оружием и слоновой костью. Сказать по совести, так и не разбогател, зато жил ярко, умер молодым. Одно слово — герой, каких мало. Что и говорить, прав был Рембо. Деньги и слава — вот жизненные цели, которые оправдывают любые средства.

Имея перед глазами заразительный пример француза-бунтаря, Сема Вилькин принялся писать стихи. Писать и рассылать во всевозможные периодические издания — в редакцию «Одесского листка», в газету «Гудок», в журнал «Колосья». И несколько его произведений даже опубликовали, но это было совсем не то, к чему стремился честолюбивый посыльный из книжной лавки. Слава получилась какая-то жиденькая, а денег не было вообще. В ночь, когда Семену исполнилось четырнадцать, ему вдруг отчетливо открылся весь ужас его положения. Кто он такой? Бедный еврейский юноша без связей и перспектив, обреченный всю свою жизнь прозябать в приказчиках. Не сказать, чтобы в лавке к нему плохо относились — старик Михаэльсон даже по-своему любил сообразительного и расторопного помощника, просто такая

жизнь была не для Семена. Умного, смелого и не склонного к рефлексиям юноши. Решение пришло само собой.

В памятное утро своего четырнадцатилетия, доев кусок праздничного пирога, испеченного специально для именинника заботливыми руками мадам Михаэльсон и преподнесенного с торжественностью прямо-таки необыкновенной, нагруженный книгами Вилькин, как обычно, вышел на улицу. Но не пошел по адресам заказчиков, а устремился на Бессарабку. Здесь на рынке целыми днями отирались жиганы из банды известного на весь Киев Кости Артиста. Приметив одного из людей Артиста, по виду — своего ровесника, Семен принял независимый вид и, отозвав парнишку в сторону, проговорил, прикуривая от его папиросы:

— Сегодня ночью совершенно случайно забудут запереть заднюю дверь в книжную лавку Михаэльсона. Передай своим, если есть желание — могут заглянуть.

Гости не заставили себя ждать. Той же ночью Артист обчистил плотно набитый сейф, воспользовавшись любезно предоставленными Вилькиным ключами. Семен ушел вместе с бандой и некоторое время промышлял с людьми Артиста налетами на киевских толстосумов. Но в этом не было никакой романтики, одна неприкрытая уголовщина.

Вся слава, как и большая часть денег, доставалась главарю. Кроме того, в банде Вилькин получил унижительное прозвище Сема Жид и, скрепя сердце, вынужден был на него откликаться. Душа Вилькина томилась под гнетом несправедливости и нереализованных мечтаний до конца осени, пока он случайно не познакомился в ресторане гостиницы «Европа» с Эстер Коган.

В непринужденном разговоре за бокалом шампанского дочь преуспевающего дантиста поделилась с новым другом захватывающими идеями устранения закостенелых в своих взглядах правительственных чиновников — основных врагов грядущей революции. Вилькин не на шутку заинтересовался рассказом Эстер, а еще больше предложенными девушкой книгами — этюдами Антонио Лабриолы¹, работами Бельтова² и трудами Маркса. Тем более что боевая организация левых социал-революционеров, к которой и принадлежала милая барышня из благополучной киевской семьи, имела изрядное финансирование, денег не считала и, если верить дочери дантиста, по первому же требованию выдавала своим членам столько наличности, сколько захотят.

¹ Антонио Лабриола — итальянский философ, основатель итальянского марксизма.

² Бельтов — псевдоним Г. В. Плеханова.

Буквально на следующий день юноша вступил в боевую группу и сделался одним из самых отчаянных боевиков. Семену самому предложили выбрать партийный псевдоним, и он стал называться Азраэлем — по имени ветхозаветного ангела смерти, упоминание о котором Вилькин встречал в книге Еноха. Разлад в душе был устранен — эсер Вилькин больше не нуждался в деньгах и в то же время чувствовал себя героем.

После серии особенно удачных террористических акций возникла настоятельная необходимость покинуть Россию, и Азраэль отправился в Базель, на Сионистский конгресс, где председательствовал Теодор Герцель, пользовавшийся большим уважением в синагоге Лукьяновки. Но в Базеле новоявленный эсер заскучал, слушая, как по сотому разу ругают книгу Дюринга «О еврейском вопросе» и обсуждают необходимость создания своего, сионистского, государства.

Вернувшись в Петербург, Семен снова взялся за подрывную деятельность и в следующий раз, когда потребовалось немедленно убраться из России, бежал уже не в скучную Европу, а в таинственную Африку, ибо сердцем Вилькина давно и безраздельно владел великолепный Артюр Рембо. Да еще, ко всему прочему, на глаза эсеру попался сборник стихов некоего Ник. Гумилева, озаглавленный «Шатер» и повествующий как раз таки об африканском путешествии автора.

Стишата были вполне обычные. Если бы захотел, Вилькин мог бы сочинить и лучше, но было в этих стихах что-то цепляющее, мальчишеское, из детских его ночей, проведенных с приключенческими книжками в подсобном помещении лавки Михаэльсона. Некоторые вирши даже произвольно заучил наизусть. «Я пробрался в глубь неизвестных стран, восемьдесят дней шел мой караван... Мы рубили лес, мы копали рвы, вечерами к нам подходили львы... Но трусливых душ не было среди нас, мы стреляли в них, целясь между глаз... И тая в глазах злое торжество, женщина в углу слушала его». Верно подмечено. Ничего человек не боится, укрощает диких зверей и открывает новые материки, а вернется домой — и какая-нибудь скверная бабенка так скрутит героя в бараний рог, ни вздохнуть, ни охнуть. Правильный поэт. Как такому не поверить?

И вот скрывающийся террорист Азраэль здесь, в Африке. Кинув тоскливый взгляд на засаленный томик стихов Ник. Гумилева, Вилькин поднялся с продавленного топчана и стал собираться на званый ужин. Душу жгла обида. Горькая усмешка кривила губы. Эх, поэт, поэт. Зачем же так? Что ни говори, а подвел его Гумилев. Расписал африканские красоты так, как будто и в самом деле на Черном континенте путешественника ждет что-то особенное. Где он отыскал эту свою зу-